

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТУР

Татьяна Попова

Предварительная информация. Важнейшим фактором становления новых научных направлений является организационно-коммуникативный фактор — проведение корпоративных встреч в рамках конференций, симпозиумов, «круглых столов» и т.п., способствующий интеграции специалистов формирующейся области знания. Такой новой исследовательской областью является *бициллиеведение*, институционализация которого как относительно автономного, полидисциплинарного по структуре и многонационального по составу репрезентантов научного направления происходит в наше время.

В формирующееся научное сообщество бициллиеведов входят историки, филологи, культурологи, политологи, социологи и проч. из разных стран: Болгарии, Германии, Израиля, США, России, Украины и др., которые в разных аспектах, с позиций различных дисциплинарных и теоретических подходов обращаются к изучению научного наследия **Петра Михайловича Бицилли (1879-1953)**, ученого широчайшего творческого диапазона, чья судьба первые сорок лет его жизни была неразрывно связана с южной Украиной и Новороссийским университетом, а последние тридцать — с Болгарией и Софийским университетом.

Вместе с тем, современный этап в развитии бициллиеведения характеризуется значительной разобщенностью его репрезентантов, как на дисциплинарном уровне, так и в рамках относительно автономных историографических ландшафтов — болгарского, украинского, российского и проч. Обратит внимание бициллиеведов из разных стран на необходимость осмысления *бициллиеведческого процесса*, акцентировать задачи становления коммуникационных форм нового направления с целью выхода на более высокую ступень в «постижении Бицилли» входило в намерения организаторов круглого стола, проведенного в рамках X Международной конференции «Българите в Северното Причерноморие» (15-16 септември 2007 г., Одеса) ¹.

Доклады и сообщения участников конференции должны были раскрыть общую тему «*Бициллиеведение в международном интеллектуальном про-*

странстве: состояние и перспективы) и четыре блока проблем, сформулированных Татьяной Поповой (руководителем круглого стола, к.и.н., проф. кафедры истории нового и новейшего времени Одесского национального университета им.И.И.Мечникова, Украина), которые составили основные панели обсуждения.

Панель *«Историографические ландшафты бициллиеведения: страны, люди, структуры»* была репрезентована докладами одного из фундаторов бициллиеведения, д.и.н., проф. Михаилом Бирманом, известным российским болгаристом, ныне проживающим в Израиле (г.Ашдод), — «Этапы, персоналии и центры бициллиеведения» и Т.Поповой — «Бициллиеведение: историографический контур». Оба исследователя предложили свои модели осмысления бициллиеведческого процесса в рамках основных историографических ландшафтов — болгарского, украинского и российского. Во втором сообщении М.Бирман впервые в историографии бициллиеведения сформулировал проблему рецепции трудов П.М.Бицилли в странах Западной, Восточной и Юго-Восточной Европы и США.

Панель *«Персональная история П.М.Бицилли: факты, подходы, легенды»* была представлена докладом д.и.н., проф. Ирины Колесник (Институт истории Украины НАНУ, отдел историографии и специальных исторических дисциплин) — «Интеллектуальная биография в историографическом дискурсе: ad modum П.М.Бицилли», в котором автор предложила новые подходы, идеи и технологии изучения интеллектуальной биографии, в частности на основе теории интеллектуальной коммуникации Р.Коллинза. «Жизнь и творчество П.М.Бицилли в Болгарии (1924-1953)» — тема доклада д.и.н., проф. Марии Велевой (София, Болгария), известной болгарской исследовательницы, внесшей неограниченный вклад в институционализацию бициллиеведения. Историографический аспект этой темы — «Изучение жизни и творчества П.М.Бицилли в Болгарии» — был заявлен как предмет рассмотрения в сообщении ученицы М.Велевой, доктора Дарины Григоровой (Софийский университет «Св.Климента Охридски», Болгария). «Биография и историография: вместе или врозь?» — тема доклада д.и.н., проф. Сергея Посохова, декана исторического факультета Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина.

Панель *«Творческое наследие П.М.Бицилли в интернациональном поле современной гуманитаристики»* была представлена докладом д.и.н., проф. Олега Демина (ОНУ им.И.И.Мечникова, Украина) — «Творческие поиски П.М.Бицилли в контексте историографических поисков в начале XX века», который высказал интересные гипотетические соображения по проблеме факторов творческой мотивации П.М.Бицилли в одесский период его исследовательской деятельности. Валерий Пикалов (доцент ХГУ им.В.Н.Каразина, Украина) остановился на вопросе о месте евразийского движения в жизни и творчестве П.М.Бицилли; Дмитрий Шумейко (секретарь кру-

глого стола, диссертант кафедры истории нового и новейшего времени ОНУ им.И.И.Мечникова, Украина) предложил свое осмысление роли одесского периода в структуре творческого наследия П.М.Бицилли; Валерий Левченко (научный сотрудник Одесского академического центра Международной академии наук и искусств Украины) проанализировал взгляды П.М.Бицилли на перспективы развития высшей школы в период революционных событий 1917-1918 гг. Григорием Зленком, одесским писателем, действительным членом Научного Общества им. Т.Г.Шевченко, заслуженным деятелем искусств Украины была предложена тема «Об одной статье П.М.Бицилли, посвященной Т.Г.Шевченко». Панель **«Украинская научная эмиграция в Болгарии: лица и судьбы»** была представлена сообщением Ольги Новиковой (ОНУ им.И.И.Мечникова, Украина) «Выходцы из Северного Причерноморья в истории Софийского университета (конец XIX — середина XX вв.)».

Участники круглого стола «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», ставшего первым международным форумом бициллиеведов, организованном по инициативе одесских ученых², констатировали тот факт, что новое научное направление вступает в «фазу творческой зрелости» (М.Бирман)³, и выразили уверенность в том, что подобные встречи, способствующие консолидации исследователей научного наследия П.М.Бицилли, приобретут традиционный характер.

Первое десятилетие XXI века уже позволяет подойти к осмыслению почти столетней истории изучения творчества Петра Михайловича Бицилли. Попробуем выделить ряд узловых вопросов, на которые следует сфокусировать внимание бициллиеведов.

О периодизации. Начало «бициллиеведческого процесса», на наш взгляд, можно датировать 1913 годом, временем первых публикаций — рецензий и откликов — о творчестве П.М.Бицилли. В 1913 г. вышла первая рецензия на вторую по счету печатную работу приват-доцента Новороссийского университета «Тацит и римский империализм» (1912); в этом же году его третья статья «Colonus и conductor в свете новейших исследований» (1913) была проаннотирована в столичном научном издании⁴. В 1915 г. выходят две рецензии на работу «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (1914); в 1917 и 1919 гг. — три рецензии на монографию, которая в 1917 г. будет защищена как магистерская диссертация в Санкт-Петербургском университете — «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)» (1916); в 1919, 1920 и в 1922 гг. — еще три рецензии на монографию «Элементы средневековой культуры» (1919). Авторы эти рецензий: С.Л.Авалиани⁵, Н.И.Ефимов, В.Н.Забугин⁶, Л.П.Карсавин, Н.П.Кондаков, И.М.Гревс. Таким образом, с первых же публикаций творчество П.М.Бицилли привлекло внимание серьезных специалистов и его главные труды, созданные в одесский период — период становления его как профессионального историка — оказались в сфере академического интереса⁷.

Сегодня интерес к фигуре и наследию П.М.Бицилли вышел за рамки академического: слишком масштабным и созвучным нашей эпохе оказалось все, о чем писал ученый. Тем более важно для профессиональной науки понять эволюцию «включения» трудов П.М.Бицилли в исследовательское поле международной гуманитаристики, специфику этапов бициллиеведческого процесса. Периодизация этого процесса, на наш взгляд, предполагает в качестве оснований — «сложный» критерий, базирующийся на комплексе параметров: проблемном, жанровом и статистическом; геополитическом факторе; особенностях историографической ситуации в регионально-национальном измерении и др. В связи с этим, можно с большой долей условности выделить следующие периоды (с предельно лапидарной характеристикой каждого).

I. Хронологический диапазон 1913-1953 гг.: от выхода первого «отклика» на печатные труды П.М.Бицилли до года кончины ученого и публикации единственного «Некролога» («Исторически преглед», 1953). Это — время рецензий (по преимуществу) на работы ученого-эмигранта, кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета и проч. Пожалуй, только в тексте «Некролога» (автор Хр.Гандев, ученик П.М.Бицилли) предпринято осмысление личности ученого и его вклада в науку. «Некролог» становится первым историографическим обобщением и, закрывая начальный период, открывает следующий.

II. В рамках 1950-1980-х гг. — периода «неоднородного», требующего тщательного анализа, — обращение к личности и творчеству П.М.Бицилли было фрагментарным и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Однако именно в это время наметились основные линии в разворачивании бициллиеведческого процесса: 1) расширились жанры публикаций: предисловия и комментарии к переизданиям его трудов (в первую очередь, на Западе); биографические справки в университетских изданиях, учебниках по историографии и т.п.; библиографические сведения в официальных библиографических изданиях; юбилейные статьи; публикации мемуарного и эпистолярного характера; первые исследовательские статьи и проч.; 2) вырос «индекс цитирования» в работах филологов, историков, философов — определился интердисциплинарный интерес к творчеству П.М.Бицилли; 3) материалы о П.М.Бицилли вошли в университетские курсы на Западе, в Болгарии и СССР (по истории исторической науки: М.Н.Велева, Софийский университет; И.В.Завьялова, Т.Н.Попова, Одесский университет и др.); 4) была предпринята попытка изучения творчества П.М.Бицилли в рамках специализированных структур: «Историографической комиссии» М.Н.Велевой (Софийский университет); в работе первой проблемной группы студентов по

изучению истории исторической науки на историческом факультете Одесского университета (конец 1980-х гг.; руководитель Т.Н.Попова) и др.

III. С рубежа 1980-1990-х гг. сначала на волне «перестройки», затем под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П.М.Бицилли оказалась в эпицентре различных историографических мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в болгарском, российском и украинском научном поле.

1990-е годы не только сформировали главный объект историографического анализа — появился массив разнообразных переизданий трудов П.М.Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания, но и определили основные направления бициллиеведческих исследований: археографическое, биоисториографическое, литературоведческое, лингвистическое, культурологическое, проблемно-историческое и т.п. Среди особо значимых показателей бициллиеведческого процесса на третьем этапе: 1) републикация многочисленных работ П.М.Бицилли отдельными изданиями, в специальных сборниках (персоналогического, тематического характера), в периодике — научной и публицистической; 2) публикации биобиблиографий, в частности — систематизация литературы о творчестве ученого, что позволило очертить контуры формирующегося сообщества бициллиеведов, обозначить «кто есть кто?» среди исследователей, определить их географию, выделить основные историографические ландшафты бициллиеведения; 3) выход первых обобщающих статей, проблемно охватывающих весь творческий путь ученого, анализ его ведущих трудов, концептуальные оценки его научного наследия; 4) проведение первых специализированных конференций (Одесский университет, 1999); 5) с 1990-х гг. можно говорить и о начале саморефлексии среди бициллиеведов, об осмыслении траектории бициллиеведческого процесса.

IV. Эти, четко определившиеся, тенденции позволяют констатировать с рубежа 1990-х — 2000-х гг. переход к новому — четвертому — периоду в развитии бициллиеведения, для которого характерны: 1) выход первых книг, объемных очерков и специальных разделов в монографических изданиях, посвященных П.М.Бицилли; 2) защита диссертационных исследований; 3) публикация качественно новых биобиблиографий; 4) расширение дидактической литературы с включением трудов П.М.Бицилли; 5) появление многочисленных статей в справочных и энциклопедических изданиях; 6) создание специального сайта в Интернете; 7) проведение первой международной конференции (Одесса, 2007) и проч.

Об «имени». Бесспорно, масштаб публикаций трудов П.М.Бицилли и разнообразных печатных работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного историографического процесса интенсивно идет формирование новой области гуманитарного знания, институционализация нового направления, объектом которого выступает Петр Михайлович Бицилли, его личность, жизнь, судьба, творческое наследие. По традиции подобные направления историко-биографического плана называют, отталкиваясь от имени «героя», — «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство» (в украинской историографии)⁸, «пушкиноведение», «макиавеллистика» и проч.⁹

С введением понятий «бициллиевед» и «бициллиеведение» (а также с аналогичными понятиями: «пушкиновед»-«пушкиноведение» и проч.) происходит нечто подобное тому, что в свое время происходило с понятиями «историограф» и «историография». Как известно, в XIX в. во Франции появился термин «историограф»; его распространение и трансформация в европейских странах (от обозначения художника, рисующего миниатюры на исторические темы, сначала в рукописных, а позже в печатных трудах по истории / а la иллюстрации/ до официальных авторов «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений) привели к возникновению и утверждению в XIX в. понятия «историография» («историописание» — в восточных регионах) как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений, а затем — аналога самой исторической науки.

Появление терминов «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации», приводит к появлению понятий «бициллиеведение», «бициллиеведческий процесс», «институционализация бициллиеведения», когда речь идет уже не только об анализе бициллиеведческой литературы, но о формировании сложной социокогнитивной системы, представляющей собой относительно самостоятельное структурное подразделение гуманитарных исследований¹⁰.

Но, поскольку возникновение новой «идеи» — новой проблематики исследований (изучение жизни и творчества П.М.Бицилли) — связано с ее «носителем» — субъектом, научная деятельность которого приводит к появлению «блока» публикаций по данной проблематике, постольку саморефлексия исследователей наследия П.М.Бицилли требует самоидентификации, которая выражается, в первую очередь, в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме «самоназвания», т. е. в появлении собственного «имени» — **«бициллиевед»**. Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции — **«бициллиеведческие труды и публикации»**.

Качественно новый этап — осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и дисциплинарных координатах

с учетом когнитивных и социальных параметров *нового научно-исследовательского явления* — приводит к появлению самоназвания этого процесса: «*бициллиеведение*».

Об институционализации. Институциональный процесс включает две линии: когнитивную институционализацию, которая проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления («идея»-проблема, фактуальная база, теоретико-методологический аппарат, концептуально-парадигмальные основы и т.п.), и социальную институционализацию (складывание специализированного научного сообщества, структур-учреждений, в том числе — системы обучения; появление информационно-коммуникационных форм и т.п.). Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно, что определяется не только спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и зависит во многом от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» — это, в конечном счете, показатель когерентности, «сцепления» когнитивных и социальных компонентов формирующегося нового научного направления¹¹.

Истоки институционализации бициллиеведения — во втором десятилетии XX века, когда появились первые когнитивные сегменты нового «знания». Последующее развертывание институционализации можно рассматривать в контурах предложенного периодизационного процесса. На протяжении 1990-2000-х годов, на наш взгляд, произошла качественная трансформация: бициллиеведение «заявило» о себе как об относительно автономном, полидисциплинарном по структуре и многонациональном по составу репрезентантов научном направлении. Формирующееся научное сообщество бициллиеведов представлено историками, филологами, культурологами, политологами, социологами и др. из разных стран: Болгарии, Германии, Израиля, США, России, Украины и проч., которыми, по сути, уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом. Одновременно идет процесс складывания инфраструктуры нового направления в формах социальных параметров институционализации: научное сообщество, система изданий, научные структуры, компоненты информационно-коммуникационной системы и т.п. (с разной «скоростью» формирования компонентов инфраструктуры).

Проблемы бициллиеведческих исследований. Изучение творчества П.М.Бицилли осложнено рядом моментов: *во-первых*, значительным объемом научного наследия ученого (в том числе — рукописного), далеко не полностью выявленного (особенно в газетных и журнальных изданиях), и отсутствием на сегодняшний день единой полной научной биобиблиографии;

во-вторых, внушительным массивом опубликованных и рукописных трудов П.М.Бицилли, написанных на русском, болгарском, сербском, чеш-

ском, французском, английском, итальянском и немецком языках, что требует от исследователей исключительной эрудиции; *в-третьих*, «точечным» характером подходов многих исследователей, обращающихся к творчеству Петра Михайловича в конкретных аспектах, отсутствием на сегодняшний день попыток комплексного анализа всего наследия ученого; *в-четвертых*, спецификой этих подходов, обусловленных проблемным и дисциплинарным ракурсом восприятия, «зависимостью» от историографических традиций, теоретико-методологических концептов и проч.; *в-пятых*, сложностью с источниковой базой: «разбросанностью» материалов о жизни и творчестве П.М.Бицилли по архиво- и книгохранилищам разных государств, невыявленностью всех его документов в личных архивных фондах и т.п.; *в-шестых*, «разобщенностью» исследователей творчества П.М.Бицилли не только на межгосударственном и дисциплинарном уровнях, но и в пределах отдельных «историографических ландшафтов»; *в-седьмых*, ограниченностью информационного поля и практическим отсутствием коммуникационных форм и проч.

Параметрический подход к анализу бициллиеведческой историографии как относительно компактному блоку исследований позволяет (с известной долей условности) выделить:

1) *по географическому параметру* — принадлежности бициллиеведов к конкретным национальным историографиям — три ведущих структурных раздела («историографические ландшафты»): болгарское, российское и украинское бициллиеведение с различной степенью когерентности; представители иных историографических пространств (среди них такие крупные фигуры как Марк Раев /США/ и М.А.Бирман /Израиль/) в большей мере выступают, на наш взгляд, в рамках «персональных маршрутов»;

2) *по хронологическому параметру*: работы, посвященные творчеству П.М.Бицилли, и вышедшие при его жизни; 1950-1980-е гг.; с рубежа 1980-1990-х и на протяжении 1990-х гг.; с рубежа 1990-2000-х гг. по наши дни;

3) *по дисциплинарному параметру*: археографическое (выявление и публикация работ); библиографическое (создание сводных библиографий); биографическое или биоисториографическое (реконструкция его жизни и творчества, анализ трудов и оценка его вклада в науку: историческую, филологическую и проч.); филологическое — литературоведческие и лингвистические исследования; культурологическое, социологическое, политологическое и проч.;

4) *по видам публикаций (жанру), специфике информации* о П.М.Бицилли: статьи (в том числе в словарно-энциклопедических изданиях), тезисы докладов и сообщений; заметки; комментарии к публикациям трудов П.М.Бицилли; комментарии к публикациям его источников; преамбулы и послесловия в изданиях работ Петра Михайловича; библиографии; дидактическая литература; газетные публикации; Интернет-сайты; очерки; диссертационные исследования, монографические издания и т.п.;

5) по проблемно ориентированным направлениям: в контексте изучения истории научной эмиграции; в контексте истории исторической науки и университетского исторического образования; в контексте истории медиевистики, истории идей (интеллектуальной истории), истории евразийства, истории культуры и литературы и т.д.

О перспективах бициллиеведения. Нам представляется, что перспективы развития нового научного направления связаны с осмыслением состояния, места и значения бициллиеведения в международном интеллектуальном пространстве. Эта центральная задача предполагает акцентуализацию следующих проблемно-исследовательских линий: 1) Украинская и российская научная эмиграция в Болгарии: лица и судьбы; 2) Историографические ландшафты бициллиеведения: страны, люди, структуры; 3) Персональная история П.М.Бицилли: факты, подходы, легенды; 4) Творческое наследие П.М.Бицилли в интернациональном поле современной гуманитаристики, которые и стали предметом предварительного обсуждения бициллиеведов, собравшихся в сентябре 2007 г. в Одессе.

Одновременно, дальнейшее развитие бициллиеведения настоятельно предполагает складывание организационно-институциональных структур: специализированных междисциплинарных научных центров по исследованию творчества ученого; коммуникационно-информационных форм — проведения научных конференций и проч., подготовку и публикацию бициллиеведческих изданий с представительным (по дисциплинарной и региональной принадлежности) авторским составом; расширения Интернет-ресурсов и т.п.; включения бициллиеведческой тематики в разделы общих и специальных курсов в системе университетского образования и др.

Будет ли «нынешняя реанимация идей» П.М.Бицилли только «очередным маятникообразным движением культурной памяти», для которой характерно «помнить, забывая» (Г.Петкова), или мы действительно являемся свидетелями и участниками институционального процесса нового направления — бициллиеведения — зависит от самих его репрезентантов, от осознания ими стратегии нового этапа в «приближении к Бицилли» — необходимости «глубокого и специализированного монографического изучения» его творчества «представителями различных гуманитарных наук»¹² с целью выхода на более высокий уровень «постижения Бицилли».

P.S. Лизбет Любенова в своем предисловии к книге М.Н.Велевой «Българската съдба на проф. П.М.Бицилли» (София, 2004) выразила надежду на то, что «Свет Бицилли» станет «нашим светом»¹³. Это, безусловно, зависит от каждого, кто захочет приобщиться к бесценному наследию Мастера. Творчество Петра Михайловича Бицилли раздвигает национальные границы: оно принадлежит всему интеллектуальному сообществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: X Международна научна конференция «Българи в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г. [Програма]. — Одеса, 2007. — С.9-10.

²В 1999 г. на базе исторического факультета Одесского национального университета им. И.И.Мечникова были проведены III Историографические Чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М.Бицилли (председатель Оргкомитета — профессор В.Н.Станко, заместитель председателя — Т.М.Попова), которые стали первой региональной конференцией бициллиеведов в Украине. См. об этом: Зленко Г. Историографические чтения // Вечерняя Одесса. — 1999. — 25 декабря; Г.В.Максименко, В.М.Хмарський. Історіографічні читання // Записки історичного факультету. — Одеса, 1999. — Вип. 9. — С. 319-322; Бачинська О. Історіографічні читання // Записки історичного факультету. — Одеса, 2000. — Вип. 10. — С.301-303.

³В последние годы вышел ряд обобщающих трудов, посвященных П.М.Бицилли. См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. — София, 2004; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. — М., 2006; Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. — Санкт-Петербург, 2007; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. — Одесса, 2007 и др.

⁴См.: Дусинский И. Рец.: Бицилли П.М. Тацит и Римский империализм. Одесса, 1912 // Журнал Министерства народного просвещения. Отдел классической филологии. Новая серия. — 1913. — № 5. — С.237-239; [Аннотация на статью: Бицилли П. *Colonus* и *conductor* в свете новейших исследований // ЖМНП: Новая серия. — СПб. — Ч.46. № 8. Отд. классич. филологии. — С.358-379] // Научный исторический журнал. — М., 1913. — № 1. — С.2 (В разд.: Новости исторической литературы).

⁵Ученик И.А.Линниченко, один из блестящих представителей региональной историографии (Одесса). См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. — М., 1965. — С.209.

⁶Специалист по проблемам итальянского Возрождения XV в., вышедший наряду с В.Э.Крусманом — одним из наставников П.М.Бицилли, а также Г.К.Вебером, А.Г.Вульфiusом, А.М.Петрункевичем и другими крупными историками из школы Г.В.Форстена, для которой был характерен «интерес к истории духовной культуры романо-германского Запада»; наряду с И.М.Гревсом и А.Н.Веселовским Г.В.Форстена причисляют к создателям «блестящей петербургской школы» историков культуры. См. Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. — М., 1979. — С.88-90; Бицилли П. Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. — 1923. — Кн. 1/2. — С.342.

⁷См.: Горяинов А.Н., Бирман М.А. Библиография опубликованных работ П.М.Бицилли и литература о нем. 1912-2003 // Бицилли П.М. — Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. — С.733-734, 772.

⁸См.: Смолій В.А., Пінчук Ю.А., Ясь О.В. Микола Костомаров. Віхи життя і творчості: Енциклопедичний довідник / За загальною редакцією В.А.Смолія.

— Київ, 2005. — С.9; Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856-1886). — Київ, 2006. — С.14; Тельвак В. Теоретико-методологічні підстави історичних поглядів Михайла Грушевського (кінець ХІХ — початок ХХ століття). — Дрогобич, 2002. — С.9 и др.

⁹Ковач В. Силуэты в романтическом ореоле. — Одесса, 2000. — С.226, 228; Гребенник Г.П. Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса). — Одесса, 2007. — С.51.

¹⁰М.А.Бирман вводит понятия: «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации». См.: Бирман М.А. А.П.Мещерский (1915-1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ПОЛУТРОПОН. К 70 — летию Владимира Николаевича Топорова. — М., 1998. — С. 800; Он же. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. — С.636. Понятия «бициллиеведение», «бициллиеведческий процесс», «институционализация бициллиеведения» и т.п. впервые были введены Т.Н.Поповой при анализе бициллиеведческой литературы, попытках осмысления истории изучения жизни и творчества П.М.Бицилли и формирования нового научного направления. См.: Попова Т.Н. П.М.Бицилли: размышления о творчестве // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. — Вип. 2. Част. 1. — Київ, 2006. — С.98; Она же. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. — С.331-332 и др.

¹¹См. подробнее: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. — С. 135-191 («Экскурс: Об институционализации историографии»).

¹²См.: Петкова Г. Литературоведческий проект П.М.Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // http://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. — С.718.

¹³См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. — С.9.